

doi: 10.32612/uw.2543618X.2025.pp.181-203

Przegląd Środkowo-Wschodni, 10, 2025

ISSN 2543-618X eISSN 2545-1324

Nr art. 20251007

Data przesłania: 15.05.2025

Data akceptacji: 17.06.2025

Милана Друговејко

Latvijas Nacionāla arhīva Latvijas Valsts vēstures arhīvs

Milana.Drugoveiko@arhivi.gov.lv

ORCID: 0009-0004-2073-8528

«Преступный союз белорусов в Латгалии (1924–1925 год)»¹ в документах Латвийского государственного исторического архива Национального архива Латвии

„Przestępczy związek Białorusinów w Łatgalii (1924–1925)” w dokumentach Łotewskiego Państwowego Archiwum Historycznego Archiwum Narodowego Łotwy

Celem artykułu jest analiza dokumentów dotyczących procesu białoruskiego, który odbył się w Dyneburgu (Łotwa) od 2 do 4 kwietnia 1925 r. Wówczas na ławie oskarżonych zasiadło ośmiu nauczycieli białoruskich. Intelktualiści białoruscy na Łotwie składali się z nauczycieli, którzy pozostali na Łotwie po tym, jak w 1920 r. dobiegła końca działalność misji wojskowo-dyplomatyczne Białoruskiej Republiki Ludowej. Począwszy od 1922 r. administracja polityczna Łotwy zaczęła śledzić działalność nauczycieli białoruskich w Łatgalii. W 1924 r. w jednej ze szkół białoruskich znaleziono mapę pokazującą, że w granicach Białorusi znajduje się wschodnia Łatgalia. W trakcie rewizji w szkołach policja znalazła również inne materiały obciążające nauczycieli białoruskich. Wszczęto postępowanie karne, które trwało do 4 kwietnia 1925 r. Niniejszy artykuł opiera się na dokumentach sądowych dotyczących procesu białoruskiego, które są przechowywane w Archiwum Narodowym Łotwy.

Słowa kluczowe: mniejszości narodowe, Białorusini, intelektualiści, Archiwum Narodowe Łotwy

---

¹ В документах само события и дело называлась “о преступном союзе белорусов в Латгалии”, только потом это события приобрело название *Белорусский процесс*.

В 1924 году произошло одно из важнейших событий в истории белорусского меньшинства в Латвии, которое полностью изменило как позицию латвийских властей по отношению к местной белорусской интеллигенции, так и резко изменило внутренние настроения белорусского меньшинства, особенно отношения между лидерами. Летом 1924 года были арестованы восемь белорусских педагогов: Константин Езовитов, Владимир Корти, Владимир Пигулевский, Иван Красковский, Андрей Якубецкий, Паулина Мядёлко-Гриб, Порфирий Жерди и Михаил Иванов. Также обвинялись и Сергей Казеко, Николай Талерко, Сергей Сахаров, Якуб Костилюка, Александр Махановский, Елена Сушинска, Люция Габран и Эдуард Вайводиш, из-за отсутствия весомых доказательств, они были оправданы ещё до судебного процесса². Обвиняемыми были не только граждане Латвии. Из осужденных были граждане Литвы (Иван Красковский, Паулина Мяделко-Гриб, Андрей Якубецкий) а также гражданин Украины Порфирий Жерди³. Всё расследование длилось около года – с марта 1924 года по апрель 1925 года, тогда как само судебное заседание продолжалось всего три дня.

По мере формирования белорусской интеллигенции в Латвии за период до 1924 года, наблюдается ее стремительное развитие как в сфере политической активности, так и в области культуры и образования. До 1924 года в Латвии уже существовало Белорусское школьное управление по образованию при Министерстве образования (*Baltkrievu izglītības pārvalde*), которое контролировала белорусские школы в Латвии. Также уже существовало белорусское общество “Бацькаўшчына”, которое занимало значительную роль в сохранении белорусской культуры, языка и традиций на территории Латвии. Учитывая относительно небольшой численный со-

---

² Latvijas Nacionāla arhīva Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LNA LVVA), 1612. fonds, 14. apraksts, 9. lieta, 23. lp., 23. lp. o. p.

³ В документах указано, что гражданином Украины он называет себя сам. Вероятней всего он считал себя именно гражданином Украинской Народной Республики, которая к 1924 году больше не существовала.

став интеллигенции это заставляет осознать динамичное развитие белорусского меньшинства. Благоприятная политика в отношении национальных меньшинств на парламентском этапе Латвии позволила неполноценно проявить себя белорусской общине в Латвии. Однако близость Латвии к советской границе повлияло на белорусское меньшинство и способствовала росту напряженности у ряда белорусских общественно политических деятелей – как между собой, так и в отношениях с латвийскими властями. К сожалению, в латвийской историографии Белорусский судебный процесс не получил должного внимания. Стоит отметить, что тема остаётся малоизученной⁴. Исследования, которые рассматривали некоторые аспекты Белорусского судебного процесса (1924–1925 гг., Даугавпилс, Латвия) или описывали сам судебный процесс, обычно содержат общее описание дела и белорусского меньшинства в Латвии в парламентский период (1920–1940 гг.), но более узкие и проблематические аспекты данного события не рассматривались. Возможно, это объясняется тем, что исследования национальных меньшинств настоящее время свою актуальность в латвийской историографии и сами меньшинства в Латвии также не проявляют интерес в исследовании данного события.

Цель статьи – проанализировать и описать документы Белорусского судебного процесса, который состоялся в городе Даугавпилс (*Латвия*) с 2 апреля по 4 апреля 1925 года, судили восемь белорусских учителей. В качестве источников использованы материалы судебного дела, которые хранятся в Латвийском Государственном историческом архиве Национального архива Латвии.

---

⁴ М. Drugoveiko, *Baltkrievu inteliģences politiskā doma Latvijā (1920 – 1934): Konstantīna Jezovičova piemērs*, “Latvijas Universitātes Žurnāls Vēsture” 2023, nr 56, lр. 67; К. Казаченок, “Белорусский процесс” в Латвии: обвинение, оправдание, наказание [в:] *Латыши и белорусы: вместе сквозь века*, Минск 2012, с. 29–43.

Как все начиналось?

20 марта 1924 года инспектор школ Даугавпилсского уезда Лукас Озолиньш (*Lukass Ozoliņš*) прибыл с ревизией в белорусскую основную школу в деревне Дудели Капинской волости (*Kariņi pagasts*). В одном из классов он обнаружил на стене географическую карту, на которой в границах Беларуси были помечены земли принадлежавшие СССР, а также части Польше, Литве и Латвии. Судя по показаниям свидетелей, на карте территория Беларуси охватывала часть Лудзенского уезда – начиная от Карсавы, включая город Лудза, часть Даугавпилсского уезда – начиная от Освейского озера, включая Даугавпилс и часть Илукстского уезда с городом Илуксте. Показания свидетелей о наличии карты и её внешнем виде значительно различались. Некоторые ученики утверждали, что никогда карту не видели и не имеют понятия о её существовании, тогда как другие утверждали, что карту рисовали по учебнику Аркадия Антоновича Смолича “Географія Беларусі” (Вильнюс 1919)⁵. Прокурор утверждал, что карта, обнаруженная в белорусских школах, датируется примерно 1919 годом, что позволяет предположить её политический характер, поскольку на ней была изображена Белорусская Народная Республика⁶.

По объяснению заведующего школой Александра Маховского, карту в школу направило Белорусское управление образования при Министерстве образования. Через несколько дней аналогичную карту Лукас Озолиньш обнаружил и в белорусской начальной школе в деревне Станкевичи Капиньской волости. О найденных картах Лукас Озолиньш сообщил в отдел Начальных школ Министерства образования. В Белорусском отделе образования пояснили, что 50 экземпляров карты были получены в 1922 году из Вильнюса и что карта носит не политический, а этнографический характер, отражая этнографические территории, проживания белорусов,

⁵ LNA LVVA 1612. fonds, 14. apraksts, 9. lieta, 419. – 455. lpp.

⁶ Ibidem, 3. – 17. lpp.

а не предполагаемые государственные границы. В ходе расследования было установлено, что вышеуказанная карта была направлена в школы Белорусским школьным отделом. Этот отдел также обеспечил белорусские школы учебниками по географии и истории Беларуси, хотя преподавание этих предметов было запланировано только начиная с апреля 1924 года⁷. Уже после этого как была обнаружена карта и были установлены обстоятельства, её поступления в школы, к расследованию приступила Политическое управления (*Politiskā pārvalde*), которое ещё в 1920 году обращало внимание на деятельность белорусских учителей в Латгалии.

В связи с этим у каждого из подозреваемых учителей, которые работали в школах, где были найдены географические карты, были произведены обыск и. У **Константина Езовитова**, который на 1924 год проживал в городе Даугавпилс по адресу улица Латгальская № 64, была найдена этнографическая карта, письма, адресованные белорусскому меньшинству в Америке и Канаде для того, чтобы по возможности учредить «Белорусский освободительный фонд», второе издание учебника географии Беларуси Аркадия Смолича, переписки политического характера. Из них, видно, что К. Езовитов переписывался с Томашем Грибом, находившимся в Праге, и просил его созвать там Белорусский политически-национальный конгресс для разрешения раскола, возникшего среди белорусской интеллигенции. После обыска К. Езовитов пояснил, что в период с начала 1918 года до весны 1919 года он состоял в политической партии белорусских социалистов-федералистов, которая ставила перед собой цель добиться в Европе установления национальных государств, а затем этого объединить их в единую Европейскую Федерацию. По мнению К. Езовитова, в эту федерацию должна была войти и самостоятельная национальная Беларусь. Согласно убеждениям К. Езовитова, программа не предусматривала чётко уста-

---

⁷ Казаченок К., «Белорусский процесс» в Латвии: обвинение, оправдание, наказание [в:] *Латыши и белорусы: вместе сквозь века*, Минск 2012, с. 29–43.

новленных границ Беларуси, а лишь предполагала включение в её состав всех тех округов, в которых большинство населения составляли белорусы⁸. Письма политического характера, полученные от белорусов из Канады и США, К. Езовитов объяснял тем, что к нему часто обращаются белорусы из разных стран для того, с просьбой выразить своё мнение по различным политическим вопросам⁹.

У **Владимира Корти**, который на момент обыска проживал в городе Даугавпилс по адресу ул. Житомирской № 33а в квартире № 1, была обнаружена Александра Цвикевича «Беларусь», а также журнал «Беларускі Сьцяг» № 1 за апрель и май 1922 года. Журнал, по-видимому, привлек внимание Политического управления Латвии так как в документах отмечается, что в данном журнале опубликована статья «**Четыре года**» **1918 – 25 III – 1922 годы**», в которой опубликована:

декларация правительства Белорусской Народной Республики в честь четвертого юбилейного года провозглашения независимости Беларуси 1918–1922, в которой говорится, что, несмотря на весь неслыханный террор оккупантов, белорусский народ ни на минуту не прекратил свою упорную борьбу. Белорусский народ хочет быть свободным; избранное от Совета Белорусской Народной Республики правительство все время твердо держало в своих руках знамя борьбы за независимость и неделимость. Более тесно объединяют свои ряды под знаменем борьбы за свободу и независимость своего отечества. Единая, организованная масса дает мощный отпор своим объединителям¹⁰.

Также у Владимира Корти был найден доклад Томаша Гриба, зачтённый им 15–16 января 1922 года в Праге, а также другие документы, связанные с деятельностью общества “Бацькаўшчына” на территории Латвии. После обыска В. Корти заявил, что никогда не слышал от других белорусских учителей мнений о том, что часть

---

⁸ LNA LVVA 1612. fonds, 14. apraksts, 9. lieta, 12. lp. o. p.

⁹ Ibidem.

¹⁰ LNA LVVA 1612. fonds, 14. apraksts, 9. lieta, 3. lp. o. p.

Латгалии должна войти в состав территории Беларуси. Также он заявил, что, насколько ему известно, первая Белорусская Рада, провозгласив независимость белорусского государства, установила границы основываясь на этнографической карте профессора Е.Ф. Карского, по которой часть Даугавпилсского и Лудзенского уездов входила в этническую территорию расселения белорусов¹¹. Из других заявлений В. Корти возможно до некоторой степени реконструировать характер отношений и связей между белорусскими деятелями. Он неоднократно подчёркивал, что отношения между белорусскими деятелями в Латвии были крайне сложными и во многих вопросах их мнения не совпадали. Например, уже к 1924 году К. Езовитов мало общался с В. Пигулевским и В. Красковским, но достаточно много общался и переписывался с белорусами, проживающими в других странах Европы и в Америке. Сам К. Езовитов на судебном заседании неоднократно подчёркивал, что у него не получилось бы создать единое общество, достаточно сильное для отделения части Латгалии и присоединения её к Беларуси. По его словам, это было невозможно из-за крайне сложных отношений между ним и другими подсудимыми.

У **Владимира Пигулевского** обыск не проводился, однако во время допроса он заявлял, что политическая партия социалистов-федералистов по вопросу о границах будущего белорусского государства, придерживалась мнения, что государственная территория Латвии не подлежит пересмотру, и никакие её части не могут быть присоединены к Беларуси. Также он заявлял, что он никогда не видел найденной карты, ничего не знает о создании единого фронта Белорусского Освободительного Движения и на собраниях никогда не участвовал. Наличие запрещенных книг В. Пигулевский объяснял тем, что ему не было известно об их запрете на территории Латвии, а получил он их из Вильнюса. Кроме того, по его словам, эти книги приобретались всеми латгальскими школами.

---

¹¹ Ibidem, 14. lp., 14. lp. o. p.

У учителя белорусской школы города Лудза **Сергея Казека** в его квартире в Лудзе, по адресу на улице Вакзальной № 23/28, были найдены документы, связанные с деятельностью Белорусского культурно-просветительского общества «Бацькаўшчына», в том числе уставы, где указано, что *“общество «Бацькаўшчына» распространяет свою деятельность не только на территорию Беларуси (Витебская, Могилевская, Смоленская, Гродненская и части Вильнюсской и Черниговской губернии), но и на тех территориях, где постоянно или на определенное время находятся белорусские колонии”*¹². Также был найден журнал «На Чужыне», в котором была опубликована этнографическая карта Беларуси, а также статья, фрагмент которой привлёк внимание Политического управления. На первой странице говорится, что:

годы Великой войны, прошли, но на Бацькаўшчына еще не взошло солнце, как это произошло у других народов. Над нашими головами вился еще вонючий дым [так в документе], мы солнца пока не видим, нам еще предстоит бороться со своими угнетателями и бороться за свое светлое будущее. Трудно работать с оставшимся у родного соотечественника белорусам «Бацькаўшчына». Шаг за шагом зависят они от родной земли и отстаивают свои права на нее. В этой борьбе мы не можем оставаться только свидетелями. В этой нелегкой борьбе мы должны помогать нашим братьям всем, чем можем; с моральной поддержкой, деньгами, вооруженной силой¹³.

У директора Белорусской средней школы города Даугавпилса **Ивана Красковского**, в Даугавпилсе, на ул. Варшавской № 16, была найдена переписка политического характера, свидетельствующая, что он имел связи с организациями белорусского движения в Каунасе, Праге и Варшаве. Целью этих организаций было объединение усилий для создания предпосылок к формированию независимой Беларуси. В свою защиту И. Красковский утверждал, что общество “Бацькаўшчына” никогда преследовало политических

---

¹² Ibidem, 15. lp.

¹³ Ibidem, 9. lp. o. p.

целей. Этнографическую карту с отметкой “издание Минской «Бацькаўшчына»” он, по его словам, никогда не видел, но знает, что этнографическая карта Беларуси была издана в Вильнюсе с разрешением Вильнюсской военной цензуры в 1919 году. Данную карту никогда не использовали на уроках в школе – впервые он увидел её у Андрея Якубецкого дома. В Белорусской средней школе города Даугавпилс географию преподавали по книге Аркадия Смолича, поскольку Белорусское управление по образованию официально разрешило использовать данную книгу как учебник¹⁴.

У заведующего Белорусской основной школы города Даугавпилса **Андрея Якубецкого**, в его квартире, на улице Минской № 74, а также у Александра Махновского было найдено множество экземпляров этнографической карты, которую инспектор Даугавпилсских уездных и городских основных школ Лукас Озолиньш обнаружил во время инспекционной поездке 22 марта 1924 года. Также было найдено несколько карт, нарисованных учениками, на которых в состав Беларуси включались части Даугавпилсского, Илукетского и Лудзенского уездов. А. Якубецкий объяснял, что множество найденных географических карт – это работы старшеклассников, на которых изображена территория, населенная белорусами. По его словам, часть учеников, видимо, не до конца поняв задание, копировали карту с книги Аркадия Смолича¹⁵. Сам он был убежден в том, что к будущему белорусскому государству не могут быть присоединены какие-либо территории Латвийской Республики. Также он утверждал, что ему ничего не известно, о позиции белорусских общественных и политических организаций по вопросу о будущей Беларуси¹⁶.

У учительницы Белорусской средней школы города Даугавпилс **Паулины Мяделко-Гриб**, в её квартире в Даугавпилсе, на Варшав-

---

¹⁴ Ibidem, 15. lp., 15. lp. o. p.

¹⁵ Ibidem, 16. lp., 16. lp. o. p.

¹⁶ Ibidem.

ской улице № 17, была обнаружена переписка политического характера с Владимиром Корти, Порфирием Жерди, Андреем Якубецким и с Владимиром Пигулевским. Она рассказала, что в Латвию она приехала летом 1922 года из Берлина по приглашению Белорусского школьного управления по образованию при Министерстве образования Латвии. С 1919 года она состояла в партии белорусских социалистов-революционеров, целью которой было добиться установления независимой Республики Беларусь. По ее личному убеждению, ни одна часть территории Латвии, где проживали белорусы, или другие народы, не может и не должна быть присоединена к будущему белорусскому государству. Она утверждала, что никогда не слышала подобных разговоров, и никогда и никому не говорила, что Даугавпилс должен стать белорусским городом и это территория Беларуси, а также, что К. Езовитов является главным лидером белорусского меньшинства в Латвии. Журнал «На Чужыне» она видела в конце 1922 года в Даугавпилсе, у К. Езовитова¹⁷.

В квартире **Николая Талерко**, управляющего белорусской школы села Шнеки Придруйской волости (*Piedrujas pagasts*), была найдена брошюра «Основы белорусской государственности» Митрофана Довнар-Запольского, в которой, было указано, что Беларусь – это большая территория, включающая Минскую, Могилёвскую, Смоленскую губернии и почти из всей Витебской губернии, кроме Резекненского и Лудзенского уездов¹⁸.

У учителя Лудзенской белорусской школы **Михаила Иванова**, проживавшего в Лудзе, на на улице Варшавской № 67, была найдена брошюра с уставом общества «Бацькаўшчына», изданная 1 октября 1918 года в Минске. Иванов объяснял, что лично он никакого участия в белорусском движении не принимал, а революционные песни его заставлял учить К. Езовитов. Стоит отметить, что единственная улика, которая сохранилась и находится в отдельной

---

¹⁷ Ibidem, 16. lp. o. p.

¹⁸ Ibidem, 10. lp.

папке в документах, – это нотная книга М. Иванова. Другие улики не хранятся вместе с судебными документами, и, к сожалению, в архиве не удалось найти изъятые улики–письма, переписку или географическую карту. Возможно, они находятся в другом деле. Например, очень много личных документов, писем, статей, черновиков, и записей находятся в деле К. Езовитова, которое составляло Политическое управления уже после 1925 года¹⁹. Также возможно, что вышеупомянутые документы, которые описываются в ходе Белорусского судебного процесса, не сохранились.

Руководствуясь материалами судебного процесса, белорусские учителя обвинялись в том, что они:

с 7 ноября 1922 года по апрель 1924 года в Латгалии участвовали в сознательной деятельности, в которой ставили себе целью насильно отторгнуть от Латвийской государственной территории Даугавпилсский, Резекненский, Лудзенский и частично также Илукстский уезды и присоединить их к Беларуси. С такой целью они вступали в связи с различными организациями за границей, в том числе и в Праге, которые поставили себе такую же цель, распространив печатные географические карты, на которых часть территории Латвии включена в территории Беларуси, распространяя учебники по географии для школьников и других лиц, а также учат на уроках для школьников, что Латвия насильно захватила часть территории Беларуси, которая в ближайшем будущем будет отторгнута, и распространяли журнал «На Чужыне», в котором находится приглашение белорусским жителям с оружием в руках встать на борьбу с белорусскими государственными распределителями – среди них и правительство Латвии²⁰.

Белорусских педагогов обвинили в антигосударственной деятельности, целью которой, было добиться отделения части территории Латвии. Для достижения этой цели активно поддерживались связи с белорусскими объединениями за рубежом, в школы распространялись учебные материалы, не соответствующие латвийским

---

¹⁹ LNA LVVA, 3235. fonds, 6. apraksts, 196. lieta.

²⁰ Ibidem, 450. lp.

образовательным стандартам и не согласованные с Министерством образования. В антигосударственной деятельности также подозревались белорусские печатные издания, редактируемые К. Езовитовым, такие как «На Чужыне» и «Ластаўка». Следует признать, что публикациям в прессе была присуща риторика, призывающей к борьбе за свободу Беларуси. Со временем по мере того, как риторика становилась всё более левой, возникли подозрения о возможном сотрудничестве К. Езовитова с советской властью²¹.

Общая характеристика документов по иску Белорусского процесса

Документы по Белорусскому судебному процессу хранятся в Латвийском государственном историческом архиве Национального архива Латвии (на латышском – *Latvijas Nacionāla arhīva Latvijas Valsts vēstures arhīvs*²²) в фонде Даугавпилского окружного суда (LNA LVVA 1612. fonds) в четырнадцатой описи (14. apraksts). По данному событию имеются только два объемные документы (дела): 9 и 14 дело (LNA LVVA 1612. fonds, 14. apraksts, 9. lieta; LNA LVVA 1612. fonds, 14. apraksts, 11. lieta).

В деле № 9, под названием “*Дело Уголовного отдела Латгальского окружного суда в отношении Константина Борисовича Езовитова, Владимира Александровича Корти, Владимира Васильевича Пигулевского, Ивана Игнатъевича Красковского, Андрея Васильева Якубецкого, Паулины Викентъевиче Мяделко-Гриб, Порфирия Мефодъевича Жерди, обвинения*”²³, хранятся реше-

---

²¹ Д. Короткова, *Поиски союзника. Контакты советских дипломатов в Латвии с К.Б. Езовитовым в 1925–1926 гг.*, „Славянский мир в третьем тысячелетии” 2020, т. 15, № 1–2, с. 47–58.

²² В статье используется сокращенное название архива на латышском языке – LNA LVVA (Latvijas Nacionāla arhīva Latvijas Valsts vēstures arhīvs).

²³ Название на латышском языке – Latgales Apgabaltiesas kriminālnodalās lieta par Konstantīna Borisa d. Jezovitovu, Vladimīru Aleksandra d. Korti, Vladimīra Vasī-

ния Латгальского окружного суда, обвинительные заключения, биографические сведения об обвиняемых, списки свидетелей (всего на судебное заседание было приглашено 124 свидетеля²⁴) с указанием мест их жительства, а также письменные ходатайства каждого обвиняемого о том, чтобы во время суда были привлечены и дополнительные свидетели. Особое внимание в документе заслуживает письменная просьба К. Езовитова пригласить в Латгальский окружной суд 50 свидетелей, которые могли подтвердить то, что он никогда не выступал против Латвийской Республики. Также в деле находятся заключение о прекращении обвинения в отношении Сергея Козаки, Николая Талерко, Сергея Сахарова, Александра Махновского, Якуба Костылюка, Елены Сушинской, Люции Габран и Эдуарда Вайводиша. Одним из важнейших документов по этому делу является протокол судебного заседания от 2, 3, 4 апреля 1925 года, в котором можно ознакомиться со всем судебным процессом, с показаниями каждого свидетеля и защитой обвиняемых. В деле также имеется решение Латгальского окружного суда, которое было зачитано 4 апреля 1925 года. В данной статье будут проанализированы только документы по этому делу.

В деле № 11, под названием *“Предварительное расследование судьи Саукума по расследованию важных дел Латгальского областного суда по делу о преступном союзе белорусов в Латгалии”*²⁵, содержатся очень важные документы как по изучению судебного процесса над белорусскими учителями, так по изучению деятельности и взаимоотношений белорусской интеллигенции в Латвии до 1924 года – переписка по делам обвиняемых, постановления,

---

lija d. Piguļevsku, Ivanu Ignatija d. Kraskovsku, Andreju Vasila d. Jakubecku, Paulīnu Vikentija m. Miadzialko-Grib, Porfiriju Metodija d. Žerdiju, apsūdzību.

²⁴ LNA LVVA 1612. fonds, 14. apraksts, 9. lieta, 18. lp. – 22. lp. o. p.

²⁵ Название на латышском языке – Latgales Apgabala tiesas svarīgu lietu izmeklēšanas tiesneša Saukuma iepriekšējais izmeklējums lietā par noziedzīgu baltkrievu savienību Latgalē.

протоколы, протоколы допроса обвиняемых, отчеты, копии документов обвиняемых лиц, выяснение обстоятельств получения ими подданства, послужные списки и другие документы. Особенно ценным документом являются протоколы допросов обвиняемых – это типичный документ, предназначенный для задержанных лиц и включавшим стандартные вопросы. Каждый обвиняемый должен был указать имя, фамилию и отчество, возраст, место рождения (*уезд, волость*), место крещения, место прописки (*уезд, волость*), постоянное место жительства, родился ли он/она в браке или вне брака, вероисповедание, национальность, образование, умение читать и писать. Также необходимо было указать семейное положение, род занятий или должность, материальное положение и был ли ранее судим. Протоколы подготовлены на латышском языке. Стоит отметить, что если дело № 9 является ценным материалом для выяснения событий судебного процесса, то дело № 14 представляет ценность, поскольку содержит биографическую информацию о каждом из обвиняемых, которая раскрывает взаимоотношение белорусской интеллигенции между собой. Положительная особенность данного документа в том, что к делу приложено оглавление, что упрощают его использование.

Оценивая физическое состояние судебных документов, следует сделать вывод, что они находятся в удовлетворительном состоянии. Текст написан как карандашом, так и чернилами, местами текст начинает угасать, но большинство из документов – машинописные. Стоит отметить, что документы составлены на латышском языке. Однако в делах есть письма К. Езовитова судье Латгальского окружного суда, написанные на русском языке. Стиль его письма на русском языке, но с очень частым использованием белорусских слов, иногда затрудняет чтение. В документе имеется очень много стилистических и грамматических ошибок, много опущенных запятых, что затрудняет изучение документов. Это можно объяснить тем, что процесс задокументирован в реальном времени. Так же в документах встречается очень много сокращений юридического

характера, например, Sod. Lik. P.²⁶, zvēr. adv.²⁷, Krim. Proc. Lik. p.²⁸ и другие. Дело № 9 относительно хуже сохранилось. Несколько листов повреждены, разорваны, края страниц необратимо потеряны и, к сожалению, невозможно прочитать текст. Также повреждена обложка дела, документам необходима реставрация.

1.1 Решения Латгальского окружного суда, обвинительные заключения

Имеющиеся в деле заключения и решения по судебному процессу являются важной частью документа. Благодаря этим документам можно выяснить, когда был начат судебный процесс, кто принимал участие в принятии решений, кого назначили судьями, прокурорами и председателем. Кроме того, эти документы помогают понять особенности судебной системы Латвии в межвоенный период. Например, в документах достаточно много ссылок на статьи уголовного кодекса²⁹, что может служить исследователям юридической истории источником в изучении политических дел в межвоенный период.

Очень важную роль играет обвинительное заключение, которое в общей сложности занимает 30 страниц³⁰. Оно содержит информацию о ходе всех событий, начиная с обнаружения географической карты в деревне Дудели Капинской волости. Благодаря этому можно судить о количестве белорусских учителей, причастных к данному мероприятию. Кроме того, в документе четко выявлены все причастные стороны (Министерство образования, Белорусское школьное отделение и т. д.). Важно, что в документе указаны все улики, которые были найдены у каждого из обвиняемых. Они не

²⁶ *Soda likuma pants* – Статья Закона о наказании

²⁷ *Zvērināts advokāts* – Присяжный адвокат; также встречается **priv.adv.** (*privāts advokāts*) – частный адвокат.

²⁸ *Kriminālprocesa likuma pants* – Статья Уголовно-процессуального закона

²⁹ На латышском языке – *Kriminālprocesa likuma un Soda likums*.

³⁰ LNA LVVA 1612. fonds, 14. apraksts, 9. lieta, 3. – 22. lp. o. p.

только перечислены, но и охарактеризованы. Кроме того, в обвинительном заключении описана вся деятельность белорусской интеллигенции на территории Латвии и за ее пределами (Чехословакии, Литве) в период с 1918 года до 1924 гг. На данный момент в Латвийском государственном историческом архиве Национального архива Латвии не найден ни один другой документ, содержащий столь подробную и обобщенную информацию о политической и культурно-образовательной деятельности местной белорусской интеллигенции. Кроме того, благодаря этому документу можно создать не только социальный портрет каждого из обвиняемых, но и понять их взаимоотношения, которые не были однозначными.

Бумага, использованная для изготовления документов, очень качественная, но местами порвана, что привело к потере текста. В правом краю обвинительного заключения содержатся ссылки на том (1., 2., 3., 4.) и страницы. В деле не поясняется, на какие документы даются ссылки, но вероятно, что это дополнительные документы, которые были подготовлены, в связи с разбирательством. Однако, к сожалению, выяснить это невозможно, поскольку другие документы по судебному процессу на данный момент не найдены. Также, к сожалению, не сохранились улики, которые были конфискованы во время обысков. В протоколе суда указано, что в судебном заседании находился 41 опечатанный пакет с доказательствами. Единственный документ, который сохранен и находится в деле – тетрадь с нотами Михаила Иванова с белорусскими песнями³¹. Ни письма К. Езовитова или В. Пигулевского, различные конфискованные статьи, книги по географии и сама этнографическая карта в документах в качестве улик не приложены. Поиск в других документах в архиве также не увенчался положительным результатом.

---

³¹ Ibidem, 418. lp.

1.2 Заявления и статьи обвиняемых с просьбой вызвать в суд свидетелей

Очень большую часть дела № 9 занимают заявления обвиняемых с просьбами вызвать в суд конкретных лиц, которые должны были свидетельствовать об их деятельности и репутации. Для этого требовалось указать имя, фамилию, их профессиональную деятельность, а также адрес места жительства свидетеля, чтобы можно было направить каждому приглашения в суд. Также каждый обвиняемый письменно объяснял, почему в суд должны быть приглашены конкретные свидетели. Например, Паулина Мядёлко-Гриб писала, что желает, чтобы в суд были вызваны и допрошены конкретные лица – инженер Янис Комисарс (*Jānis Komisars*) (место жительства – ул. Шоссейная 104, Даугавпилс), учитель латышского языка Даугавпилсской государственной белорусской средней школы Вольдемар Зинкевич (*Voldemārs Zinkevičs*) (место жительства – ул. Витебская 13, Даугавпилс) и начальник отдела школ управы Даугавпилсского уезда Станислав Паберз (*Stāņislawš Pabērzs*) (место жительства – управа Даугавпилсского уезда), потому что свидетели хорошо её знают, знают принципы ее педагогической деятельности, а также могут свидетельствовать о ее лояльности Латвийскому государству³².

Особое внимание следует уделить двум заявлениям К. Езовитова в Латгальский окружной суд, датированными 2 февраля 1925 года³³ и 2 марта 1925 года³⁴. Это самые объемные заявления, которые содержатся в этом документе. Они написаны на русском языке. Заявления особенно важны тем, что в них К. Езовитов просил суд не только вызвать 50 свидетелей, которые могли бы свидетельствовать о его лояльности к Латвийской Республике, но и характеризовал свои отношения с каждым. В качестве одного из первых сви-

³² Ibidem, 60. lp., 61. lp. o. p.

³³ Ibidem, 75. lp. – 83. lp.

³⁴ Ibidem, 242. lp. – 243. lp.

детелей он просил пригласить латышского поэта и писателя Яниса Райниса (*Jānis Pliekšāns, Rainis*), характеризуя его как одного из самых лояльных общественных деятелей Латвии, поддерживающих дружеские отношения с белорусским меньшинством в Латвии. Также он просил суд пригласить Сергея Сахарова

который может подтвердить, что никаких тайных дел ни общество “Бацькаўшчына” ни Белорусский отдел не преследовали, что карты Беларуси, издания 1919 года, в г. Вильна, были общественными, имевшийся в продажах для школ белорусских, что перед отправлением в школы на них делали наблюдения и поправки границ Латвии; что карты Белорусской Народной Республики на желтой открытке были распространены ошибочно и в самом незначительном количестве, а то что потом она мною самим, а также и другими лицами, по моей просьбе уничтожилась ещё в 1921 году; он же может подтвердить, что в 1921 году, в городе Люцин, на первом собрании членов общества “Бацькаўшчына”, а также и на последующих собраниях как и в публичных моих выступлениях, так и в частных разговорах, я никогда не говорил, что здесь Белорусия, а наоборот, указывал и разъяснял, что мы, белорусы, в Латвии являемся национальным меньшинством, и как таковое имеет закон установленным права, что мы не иностранцы, а граждане Латвии и что наша родина – Латвия; это же самое я повторял и самому господину С. Сахарову, когда приглашал его, от имени Центрального Правления общества “Бацькаўшчына” занять пост начальника белорусского отдела при министерство образования; он же может засвидетельствовать, что отношения мои с обвиняемыми: И. Красковским, В. Пигулевским и П. Жерди были начиная с 1922 года и до последних дней, таковы, что существенно не могли возглавить не только какого-то “сообщество”, но даже простой совместной работы в обществе “Бацькаўшчына” в Двинске, при правления которого я и выбыл осенью 1922 года; он же может и подтвердить, что лучшие отношения были с обвиняемыми: В. Корти и А. Якубецкого, и единственная с кем я тогда виделся в 1922 году и переписывался в 1923 году это с П. Мядзёлко-Гриб – поэтому не могло быть никакого сообщества³⁵.

---

³⁵ Ibidem, 242. lp. – 243. lp.

Таким образом, благодаря заявлениям К. Езовитова можно выяснить круг его ближайших знакомых на момент задержания.

1.3 Протокол и резолюция решения

Протокол является очень важным документом, в котором в кратком виде изложен весь процесс открытого заседания в период с 2 апреля по 4 апреля 1925 года. Председателем суда был Фриц Зильбер (*Fricis Zilbers*), в судебном заседании приняли участие 3 судьи, О. Кеснер (*O. Kesners*), А. Камберг (*A. Kambergs*), В. Грейер (*V. Greiers*). У каждого из обвиняемых были свои адвокаты – у К. Езовитова и М. Иванова адвокатом был присяжный адвокат Риги Вилис Холцманис (*Rīgas zvērīnāts advokāts Vilis Holcmanis*), у В. Пигулевского и В. Красковского – присяжный адвокат Риги Юлий Шмитс (*Rīgas zvērīnāts advokāts Jūlijs Šmits*), у А. Якубецкого – присяжный адвокат Риги Юлий Шмитс и частный адвокат Янис Будовскис (*Jānis Budovskis*), у Паулины Мяделко-Гриб – частный адвокат Янис Будовскис, у П. Жерди – частный адвокат Брежго, а у В. Корти – частный адвокат Рупаис.

На процессе каждый из свидетелей давал показания по каждому из обвиняемых и рассказывал о том, как проходили уроки в школах, что каждый из учителей рассказывал во время уроков, какие учебники использовались на уроках. Многие свидетели проходили обучение на курсах белорусских учителей, которые проводились летом до 1924 года, поэтому в свидетельствах имеется информация о том, как проводились курсы и кто на них преподавал. Надо признать, что на суд в качестве свидетелей были вызваны ученики, которые меняли показания. Председатель суда очень часто просил напомнить свидетелям о том, какие они давали показания ранее, а дети часто указывали на то, что они уже не помнят, что свидетельствовали ранее или же объясняли, что знание латышского языка у них не на таком высоком уровне, чтобы точно понимать вопросы. В судебном протоколе имеются очень много ссылок на отдельные документы, что позволяют предположить, что свидетели допрашива-

лись и до судебного процесса. Особенно такие ссылки встречаются в случаях, когда слова свидетеля не соответствовали тому, о чем он свидетельствовал ранее. К сожалению, эти документы до сих пор не найдены в архиве, поэтому провести их анализ и сравнение невозможно. В ходе следствия Владимир Пигулевский отметил недопустимость процедуры ведения следствия и допроса свидетелей. Он утверждал, что ученикам белорусских школ нельзя задавать вопросы, почему и с какого времени они считают себя белорусами, нравится ли ученикам белорусский язык, каким должно быть белорусское государство и т. д. По словам В. Пигулевского, эти вопросы носили негативную окраску и не имели отношения к расследованию, а лишь вызывали беспокойство и непонимание у детей.

Почти все свидетели утверждали, что никаких антиправительственных действий или призыву к ней со стороны обвиняемых не видели и не слышали. Некоторые школьники отмечали, что на уроках их учили любить Латвию, латышский язык и истории, объясняли, что они принадлежат к Латвии. Однако были дети, которые свидетельствовали, что, например, учитель Махновский в Пустинской школе на уроках русского языка говорил по-белорусски. Школьники сделали ему замечание, на что учитель ответил, что он белорус и будет преподавать на белорусском языке. Это давало основание считать, что он поддерживает независимость Белоруссии³⁶. Однако следует признать, что свидетельств каких-либо антиправительственных действий в деле крайне мало. В конце судебного процесса каждого обвиняемого спрашивали, признает ли он свою вину. Никто из них этого не сделал утверждая, что никогда не совершали ничего антигосударственного.

Решение суда было публично оглашено в окончательном виде в Латгальском окружном суде 4 апреля 1925 года. Все обвиняемые были оправданы. В приговоре повторно охарактеризованы все обстоятельства расследования, перечислено каждое доказательство,

---

³⁶ Ibidem, 435. lp.

а также даны широкие разъяснения основных доводов, выдвинутых против обвиняемых. Например, во время следствия было подозрение, что К. Езовитов, В. Красковский, А. Якубецкий не имели права преподавать в белорусских школах географию и историю Беларуси. Однако результаты расследования показали, что по циркулярам Белорусского школьного управления Министерства образования № № 1726 от 16 октября 1922 года и № № 1159 с 17 апреля 1923 года ясно видно, что они имели не только право, но и обязанность преподавать эти предметы, поскольку в этих документах говорилось, что в белорусских школах необходимо уделять особое внимание именно таким предметам, как географии и истории Беларуси. В связи с этим суд признал, что учителя были вынуждены искать различные учебники по данным предметам³⁷.

Выводы

В латвийской историографии принято считать, что суд над белорусскими учителями свидетельствовал о антиправительственных настроениях белорусских учителей, что подтверждает найденная у них белорусская этнографическая карта. Однако проанализировав документы по белорусскому судебному процессу, можно сделать вывод, что ситуация была гораздо сложнее, и найденная карта являлась лишь предлогом для начала расследования. Одним из главных мотивов для начала следствия были опасения властей, что СССР будет влиять на деятельность белорусских учителей в приграничных районах Латвии. Учительство, составлявшее значительную часть интеллигенции белорусского меньшинства в Латвии, играло особую роль в жизни общества, особенно в Латгалии. Документы следствия ясно показывают, что Латвия была заинтересована выяснением цели, задач и мотивов деятельности белорусских общественных деятелей для того, чтобы предотвратить их возможные

---

³⁷ Ibidem, 454. lp.

контакты с советскими властями. В ходе расследования выявились внутривнутриполитические проблемы (проблемы образования и конфликтов между русским, польским и белорусским меньшинством в Латгалии), которые в результате раскололи белорусскую интеллигенцию.

Документы судебного процесса являются очень колоритным исследовательским материалом, позволяющим изучать малоизученные эпизоды в истории белорусского меньшинства в Латвии: взаимоотношения белорусских лидеров, история общества “Бацькаўшчына”, история школ и образования в Латгалии, особенно в Даугавпилсе и Лудзе, политические видения и разногласия белорусских лидеров, их контакты с иностранными коллегами до 1924 года. Это особенно важно, поскольку культурно-образовательные процессы белорусского меньшинства начались только после 1918 года, когда в Латвии остались влиятельные белорусские общественные деятели, которые развернули бурную культурную и общественно-политическую деятельность.

Bibliografia

- Drugoveiko M., *Baltkrievu inteliģences politiskā doma Latvijā (1920–1934): Konstantīna Jezovitova piemērs*, “Latvijas Universitātes Žurnāls Vēsture” 2023, nr 56, 67. lpp.
- Kazachenok K., “Belorusskiy proces” w Latvii: *obvineniye, opravdanie, nakanazanie* [v.:] *Latishy i belorusy; vmeste skvož veka*, red.: M. Korolov, Minsk 2012, s. 29–43 [Казаченок К., “Белорусский процесс” в Латвии: *обвинение, оправдание, наказание* [в.:] *Латыши и белорусы: вместе сквозь века*, Минск 2012, с. 29–43].
- Korotkova D., *Poiski sojuznika. Kontakty sovetskikh diplomatov s K.B. Yezovityum v 1925 – 1926 gg.*, “Slaviatskiy mir v tretyem tysiacheletii” 2020, t. 15, nr 1–2, s. 57–58 [Короткова Д., *Поиски союзника. Контакты советских дипломатов в Латвии с К.Б. Езовитовым в 1925–1926 гг.*, „Славянский мир в третьем тысячелетии” 2020, т. 15, № 1–2, с. 47–58].
- Latvijas Nacionālais arhīvs Latvijas Valsts arhīvs (LNA LVVA) 1612. fonds, 14. apraksts, 9. lieta,
- LNA LVVA 1612. fonds, 14. apraksts, 11. lieta.
- LNA LVVA, 3235. fonds, 6. apraksts, 196. lieta.

**Documents on the criminal alliance of Belarusians in Latgale (1924–1925)
in the Latvian State Historical Archive of the National Archives of Latvia**

The purpose of the Article is to track the Belarusian trial that took place in the city of Daugavpils (*Latvia*) from 2 to 4 April 1925, in relation to which eight Belarusian teachers were tried, and to describe the composition of the documents in the case of this court. Belarusian intellectuals in Latvia were made up of Belarusian teachers who stayed in Latvia after their activities were interrupted by the military-diplomatic mission of the Belarusian Democratic Republic in 1920. Starting in 1922, the political administration of Latvia began to follow the activities of Belarusian teachers in Latgale, but in 1924, after a map was found in several Latgale schools showing that Belarus also includes eastern territories of Latvia, as well as other compromising materials, criminal proceedings were initiated, which lasted until April 4, 1925. This Article is based on court documents regarding the Belarusian trial, which are stored in the Latvian State Historical Archive of the National Archives of Latvia.

Keywords: National minorities, Belarusians, intellectuals, Latvian State Historical Archive of the National Archives of Latvia